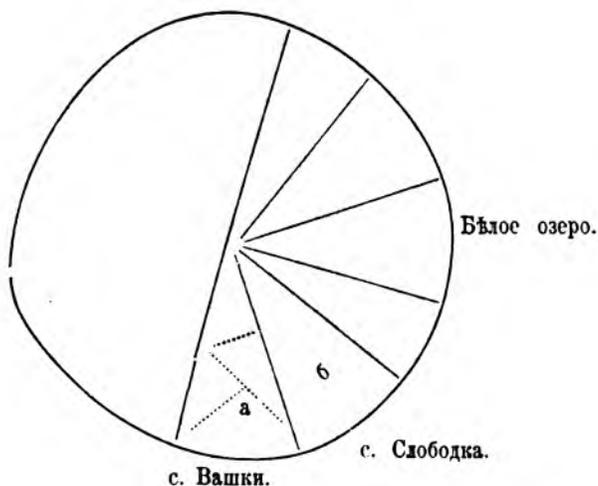

3) Въ лѣтнее время рыбаки всего побережья Бѣлаго озера могутъ ловить рыбу по всему озеру; наприм. Вашкинскіе рыбаки ловятъ на Куностскомъ берегу, т. е. близъ с. Куности и наоборотъ, Куностскіе рыбаки могутъ ѣхать ловить на Вашкинскій берегъ. Зимомъ же этого нельзя дѣлать. Все озеро дѣлится на участки; число участковъ равняется числу селъ, лежащихъ на берегу озера и каждое село можетъ ловить только на своемъ участкѣ. Такъ, напримѣръ, Вашкинцы могутъ ловить только на Вашкинской водѣ т. е. на участкѣ, принадлежащемъ с. Вашки. Если у нихъ на участкѣ худо ловится рыба, то они могутъ арендовать другіе участки за извѣстную плату. Дѣлятъ озеро такъ: въ срединѣ озера ставятъ столбъ, или вѣху и отъ этого столба расходятся въ разныя стороны, какъ бы радіусы къ берегамъ каждого села, лежащаго на берегу озера. Такимъ образомъ получаютъ участки въ видѣ треугольниковъ, какъ показано на рисункѣ.

На участкѣ, обозначенномъ буквою (а) могутъ ловить только Вашкинцы, на участкѣ (б) могутъ ловить только Слободжане и т. д. Вотъ переметы то и ставятъ между участками, т. е. на радіусы, такъ какъ въ центрѣ участковъ переметовъ нельзя ставить, потому что будутъ мѣшать ловлѣ тагасомъ.

Надо еще замѣтить, что если въ селѣ мѣется не одинъ тагасъ, (какъ напр. въ Вашкахъ есть четыре тагаса), то данныя участки еще дѣлятся на меньшіе участки по числу тагасовъ. Напр. въ Вашкахъ четыре тагаса, поэтому участокъ (а) дѣлится на 4 части, каждому тагасу по части, гдѣ онъ и можетъ только ловить.

Пословица и загадка.

Пословица.

«Пословица» употребляется часто въ смыслѣ слова или выраженія, которыми кто либо оснащаетъ свою рѣчь.

«У яго такая пословица».

У крестьянина (с. Святское) «Чивка» пословица—Чикъ, а у «Лопухаго» (с. Митюли)—Допоу хій, ибо первый, воодушевляясь въ разговорѣ, прерываетъ нить общаго разговора звукомъ: Чи! и сопровождаетъ свое Чи! важнымъ жестомъ правой

руки; второй же, «Лопоухій», всѣхъ разговаривающихъ съ нимъ и себя самого при этомъ, называетъ «Лопоухими».

Въ XVIII в., отъ котораго осталось намъ нѣсколько рукописныхъ сборниковъ пословицъ, пословицею называли не только притчу, но и всякую поговорку, примолвку, что очевидно изъ слѣдующаго мѣста въ запискахъ Данилова 1771 г.: «у Митрофана Осиповича была пословица южъ; по тогдашнему времени у всѣхъ такая мода была, или привычка, дабы въ разговорахъ примѣшивать какуюнибудь ничего не значущую примолвку». Очерки Буслаева I, 124.

Что касается до пословицы, то первоначально, какъ замѣчаетъ Ѳ. И. Буславъ, употреблялось это слово въ смыслѣ согласія, условія, совѣщанія, міра, напр. «не быша пословицы Псковичемъ съ Новгородци»... Первоначальное значеніе пословицы опредѣляется также и ближайшимъ отношеніемъ къ смыслу прилагательнаго «пословный», т. е. послушный, согласный. Съ этимъ опредѣленіемъ гармонируютъ слѣдующія изреченія крестьянъ Смоленской губерніи; они указываютъ и на юридическое значеніе пословицы.

На будимъ ссоритца—будить у насъ пословица. Харошъ на прискази, а паглядимъ, якоу ты будишь на привизи.

Вы, кумушки-галубушки, выхадитя на улицу, гаваритя пословицу.

Пословица по преимуществу свойственна возрасту старческому. Отъ стариковъ почуается молодежь, заимствуя отъ нихъ, между прочимъ, пословицы и поговорки «Старые люди говорятъ—маладымъ людѣмъ повядъ дають». «Старувать» значить угваривать. Порѣч. у. Мамошки.

Пословица избобрѣтается жизненнымъ опытомъ, имъ же подтверждается или отрицается. У нѣкоторыхъ стариковъ есть любимыя пословицы и поговорки. Молодые люди, приводя пословицы, нерѣдко вспоминаютъ стариковъ и ихъ опытъ.—«Это любимая пословица», говорятъ они, «Тарасѣ, а вотъ эта Борматуна, а эта Бориса Андренча».

Нѣкоторыя пословицы принадлежать извѣстному возрасту, полу, классу людей—п соотвѣствуютъ ихъ занятіямъ.

Люди торговые въ особенности любятъ оснащать рѣчь свою пословицами: тогда дѣло идетъ легко, какъ по маслу;—какъ извѣстно, нашъ простолюдинъ положительно не можетъ противиться логической силѣ пословицы; онъ все будетъ поддакивать: вѣрно, вѣрно! Правда! Знамо дѣло—такъ! Незамѣтно и для купца, и для мужика, дѣло улаживается—быть можетъ—пословицею. «Безъ пословицы горыдъ ня стрдита».

И Санчо Пансо въ «Донъ Кихотѣ» говорить убѣдительно, когда говоритъ пословицами.

Зналъ я одного купца, рѣчь котораго положительно состояла изъ пословицъ; кто-то сочинилъ ему весьма грустную эпитафію о суетѣ и тлѣнѣ всего мірскаго, уснащенную пословицами, и помѣстилъ ее на надгробномъ памятникѣ.

Пословицы, принадлежа людямъ различныхъ взглядовъ, возрастовъ, положеній, мѣстностей, нерѣдко противорѣчатъ одна другой;—народъ же въ шутку соединяетъ ихъ, и вотъ является полемическій разговоръ въ діалогической формѣ между батракомъ и хозяиномъ, зятемъ и тещею, Тородчанниномъ и Смолякомъ, Рославцемъ и Калужцемъ.

Сопоставляются діаметрально, иногда противоположныя прежніе и новые взгляды на мать и жену. Такія пословицы въ особенности интересны въ бытовомъ отношеніи.

Разъ я ѣхалъ въ вагонѣ Московско-Врестской желѣзной дороги; напротивъ меня помѣщались два крестьянина: одинъ старый, другой молодой. Молодой вынулъ изъ кошелки ратника (сеledку) и началъ ее ѣсть съ хвоста или съ головы—хорошо не помню.

Старикъ замѣтилъ:—«Хорошо, парень,—хорошо; одно нехорошо, что вотъ сельдя ты грызешь не съ того бока».—Молодой возразилъ. Началось состязаніе пословицами; у молодого оказалось въ запасѣ ихъ больше—онъ не тѣлъ за словомъ въ карманъ.

Въ тонѣ старика замѣтно стало слышаться раздраженіе, пословицы и поговорки у него истощились, на глазахъ навернулись слезы. Старикъ приподнялся, подошелъ къ молодому и сталъ трясти за воротъ «визъ молодыхъ да раняго», тотъ засмѣялся, и

всѣ захохотали: произошла уморительная сцена. Мы подъѣзжали къ Кубенѣ. Старикъ и молодой вышли на платформу, закусили и выпили вмѣстѣ, вошли въ вагонъ, обнявшись—друзьями, и больше ужъ не спорили.

Поэзія является не только забавой въ часы досуга, но и насущною потребностью простаго человѣка: въ горѣ онъ пробавляется всѣми видами ея: и пѣсней и пословицей и загадкой и проч.

У женщинъ, много испытавшихъ, есть свои любимыя семейныя пѣсни, есть свои пословицы.

Огорченныя мать и сестра поютъ соответственныя пѣсни про сыновнюю и братнюю неблагодарность и проч. Быть можетъ, онѣ слагаютъ свои пѣсни, пѣсни своей жизни.

Быть можетъ, другія женщины, подруги, по слѣдамъ живого событія выходятъ на улицу и «говорятъ пословицу», или «разгадываютъ» горюшко, удовлетворяя желанію: «подумайте мои думушки, разгадайте крѣпкия».

Иногда старики и старухи, умудренные опытомъ, съ величавымъ спокойствіемъ изрекаютъ свое обоснованное на пословицахъ мнѣніе, безпристрастное и нейтральное, какъ хоръ греческой драмы.

Примиреніе съ горемъ происходитъ на почвѣ поэзіи, и большею частію въ міру; — народъ рѣдко замыкается въ своемъ горѣ.

Пословицы и загадки нерѣдко сходятся. Самыя глубокія наблюденія, вѣроятно, затѣмъ, чтобы заставить другихъ лучше вдуматься въ то, надъ чѣмъ долго работала мысль, народъ выражаетъ въ формѣ загадокъ.

Кругъ народныхъ преданій невеликъ, и народъ ищетъ поучительнаго.

«Иныя пословицы не иное что, какъ рѣзкія выраженія, удержавшіяся въ памяти народа изъ эпической басни (или пѣсни, прибавимъ мы). Очеркъ Ѳ. И. Вуслаева. Томъ I, стр. 91.

«Иныя пословицы (и загадки, прибавимъ мы) можно назвать баснею въ маломъ объемѣ. *ibidem*.

Какъ пословицы, такъ и загадки любятъ касаться иногда старобытныхъ мнѣологическихъ или алогическихъ вѣрованій и убѣжденій, и передаютъ эти вѣрованія и убѣжденія въ поэтической формѣ.

Но съ другой стороны пословицы и загадки касаются ежедневной жизни со всѣми ея мелочами и подробностями; и мало такихъ предметовъ найдется въ крестьянскомъ домашнемъ быту и обстановкѣ, которые ускользнули отъ пословицы и загадки.

Являются новые предметы въ крестьянскомъ обиходѣ,—тогда возникаютъ пословицы и загадки, разъясняющія ихъ значеніе.

При помощи поэтической фантазіи, загадка приводитъ въ столкновеніе предметы воодушевленные и неодушевленные; нерѣдко она создаетъ цѣлыя драматическія сценки, знакома намъ съ будничной жизнью народа и природой, которая разстилается передъ глазами крестьянина.

Проводя подъ чась карикатурныя и пародоксальныя параллели, сравнивая важное и неважное, большое и малое, отвлеченное и матеріальное, тонко отыскивая сходство между самыми различными предметами, иногда залуговая фантазію грубымъ низомъ («загадывать загадки дрянъ, разгадывать ихъ дужа хорошо»); загадка въ своихъ изображеніяхъ достигаетъ большой рельефности и подчеркиваетъ, такъ сказать, характерныя и выдающіяся свойства предметовъ. Нѣкоторыя загадки проникнуты древними мнѣческими вѣрованіями и отличаются художественностью образовъ, другія (и немало найдется такихъ) свидѣлствуютъ о близости простаго человѣка къ природѣ и объ его замѣчательной чуткости по отношенію къ ея явленіямъ.

Народный языкъ очень индивидуаленъ. Въ разныхъ деревняхъ самыя обыкновенныя предметы называются различными именами (Озунь—Смоленскій уѣздъ; въ томъ же уѣздѣ, въ Пызыревкѣ, Сонлякъ и Слюнтявикъ въ Глубокомъ Красн. у.), является почва для ображеній и догадокъ, какой предметъ и какимъ своимъ качествомъ далъ поводъ къ созданію извѣстнаго имени или названія; часто загадка является сама собою.

Названія нѣкоторыхъ предметовъ имѣютъ форму загадки или вопроса. Въ Починкѣ Ельн. у. зельтерская вода называется: что такое?

Въ одной деревушкѣ протекаетъ рѣчка въ которую впалъ ручей. Путешественникъ спрашиваетъ у дѣвочки: какъ зовутъ рѣчку? Дѣвочка молчитъ, заминается. Подходитъ баба. «Дура», говоритъ на дѣвочку»: «Отчего ты барину не скажешь, какъ рѣчку нашу дразнить». Тутъ баба сказала путнику глупую загадку, служащую названіемъ рѣчки.

Въ зимніе, особливо святочные вечера, развлекаются загадками; ими прежде состязались волочобники, ходившіе на Святой недѣлѣ. Партія, разгадавшая загадки, отнимала у другой ея раздобытки: хлѣбъ, сало и проч.

Въ загадкахъ много созданныхъ народною фантазією словъ; съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія подобнаго творчества, загадка представляетъ особый интересъ для изслѣдователя народнаго языка.

В. Добровольскій.